

*Обществу защиты животных области Монтерехи
и всем людям, что «звонят в колокола небес».
А также Мэгги, которая целиком, без остатка
отдала свое сердце*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Все? Даже дети?

Огонь в камине потрескивал, пощелкивал, тяжело вздыхал.

— Убиты?

— Хуже.

Наступило молчание. И в этой тишине обитало все, что могло быть хуже убийства.

— Они близко?

По его спине поползли мурашки, когда он представил, как что-то ужасное движется по лесу. В их направлении. Он оглянулся, готовый к тому, что увидит красные глаза, которые смотрят на него сквозь темное стекло. Или из углов. Или из-под кровати.

— Они повсюду. Ты видел свет в ночном небе?

— Я думал, это северное сияние.

Розово-зелено-белые переливы, колышущиеся на фоне звезд. Словно нечто живое, сияющее и растущее. И приближающееся.

Оливье Брюле опустил взгляд, не в силах больше смотреть в беспокойные, безумные глаза своего визави. Он давно сжил-ся с этой историей, убеждая себя, что она не имеет отношения к действительности. Она была мифом, историей, которую рассказывают, повторяют и приукрашают снова, и снова, и снова, сидя, как в их случае, перед огоньком.

Всего лишь история — ничего более. Какой от нее вред?

Но в этой простой бревенчатой хижине, затерявшейся в глуши Квебека, казалось, что за ней стоит нечто большее. Даже

Оливье чувствовал, что верит в нее. Может быть, потому, что Отшельник явно не испытывал ни малейшего сомнения.

Старик сидел в легком кресле по одну сторону камина, а Оливье — по другую. Оливье смотрел в огонь, горевший вот уже более десятилетия. Старое пламя, которому не позволяли умереть, бормотало и потрескивало в камине, слабо освещая хижину. Оливье взял простую металлическую кочергу и пошуровал в углях, вздымая фонтан искр. Пламя свечи отражалось в тусклых предметах, которые в темноте напоминали глаза, выхваченные огнем.

— Уже скоро.

Глаза Отшельника были похожи на металл, достигший точки плавления. Старик подался вперед, как делал почти всегда к концу истории.

Оливье обвел взглядом комнату. Темнота подчеркивалась горящими свечами, образующими фантастические, немислимые тени. Ночь просочилась внутрь сквозь щели в бревнах и обосновалась в хижине, свернулась калачиком в углах и под кроватью. Многие местные племена верили, что зло обитает в углах, а потому их традиционные дома были круглыми. В отличие от квадратных домов, которые построило для них правительство.

Оливье не верил, что зло обитает в углах. Сказки. По крайней мере, не при свете дня. Но он верил в то, что в темных углах этой хижины затаились духи зла, о которых знает лишь Отшельник. Те духи, при мысли о которых сердце Оливье начинало биться быстрее.

— Продолжай.

Это прозвучало с напускной уверенностью.

Было уже поздно, а Оливье еще предстояло совершить двадцатиминутную прогулку по лесу назад в Три Сосны. Он совершал это путешествие каждые две недели и хорошо знал дорогу, даже в темноте не заблудился бы.

Только в темноте. Их взаимоотношения существовали только после полуночи.

Они прихлебывали черный чай. Оливье знал, что это угощение припасено для почетного гостя Отшельника. Единственного его гостя.

Но сейчас подошло время рассказывать историю. Они подались поближе к огню. Стояло начало сентября, и вместе с ночью в хижину прокрался холод.

— Так на чем я остановился? Ах да, вспомнил.

Руки Оливье еще крепче сжали теплую кружку.

— Эта страшная сила уничтожила все на своем пути. Старый Свет и Новый. Все исчезло. Кроме...

— Кроме?

— Осталась одна маленькая деревенька. Она расположена в уединенной долине, а потому страшная армия пока не заметила ее. Но она заметит. И когда это случится, их великий вождь встанет во главе армии. Он громаден. Выше любого дерева. Облачен в доспехи из камня, колючих ракушек и костей.

— Хаос.

Произнесенное шепотом слово растворилось в темноте, улеглось в уголке. И принялось ждать.

— Хаос. И фурии. Болезни, Голод, Отчаяние. Все они множатся. Рыщут. И никогда не остановятся. Никогда. Пока не найдут то, что ищут.

— То, что было похищено.

Отшельник кивнул с мрачным лицом. Он как будто видел бойню, разрушение. Видел мужчин, женщин, детей, спасающихся бегством от безжалостной, бездушной силы.

— Но что это такое было? Ради чего они готовы уничтожить все, лишь бы вернуть утраченное?

Оливье с трудом заставлял себя смотреть на грубое морщинистое лицо, а не стрелять глазами в темноту. В угол, где, как было известно им обоим, кое-что лежало в плохоньком полотняном мешочке. Но Отшельник словно прочел его мысли, и Оливье увидел на лице старика гаденькую ухмылку. Правда, она тут же исчезла.

— Его возвращения хочет не армия.

И тут они оба увидели то, что маячило за страшной армией. То, чего страшился даже Хаос. То, что гнало перед собой Отчаяние, Болезни, Голод. С единственной целью — чтобы они вернули похищенное у их хозяина.

— Это хуже бойни.

Они говорили тихими, едва слышными голосами. Словно заговорщики, чье дело уже проиграно.

— Когда армия найдет то, что ищет, она остановится. И отойдет в сторону. И тогда произойдет худшее, что можно себе представить.

Снова наступило молчание. И в этом молчании таилось худшее, что можно себе представить.

Снаружи завывла стая койотов. Они загнали в угол какого-то зверька.

«Миф это, и не что иное, — успокоил себя Оливье. — Просто выдумки». Он снова посмотрел на угли и потому не увидел ужаса на лице Отшельника. Затем он взглянул на свои часы, наклонив циферблат к огню, пока тот не засветился отблесками оранжевого пламени и не сказал ему: пора. Половина третьего ночи.

— Хаос наступает, старичок, и его не остановить. На это ушло немало времени — но вот теперь он здесь.

Отшельник кивнул, его глаза повлажнели, заслезились, может, от дыма, может, от чего-то другого. Оливье откинулся назад и удивился, когда боль внезапно пронзила его тридцативосьмилетнее тело. И тут он понял, что просидел, напрягшись, в течение всего этого страшного рассказа.

— Извини. Час поздний, Габри будет беспокоиться. Мне пора идти.

— Уже?

Оливье встал, налил холодной свежей воды в эмалированную раковину и сполоснул свою чашку. Потом повернулся к хозяину.

— Я скоро приду снова, — сказал он с улыбкой.

— Дам-ка я тебе кое-что, — пробормотал Отшельник, оглядывая хижину.

Взгляд Оливье метнулся в угол, где лежал полотняный мешочек. Нераскрытый. Перевязанный бечевкой.

Отшельник хохотнул:

— Возможно, когда-нибудь, Оливье. Но не сегодня.

Он подошел к вырубленной топором каминной полке, взял с нее какой-то крошечный предмет и протянул его обаятельному светловолосому мужчине.

— Это за еду. — Он показал на консервные банки, сыр, молоко, кофе и хлеб на столе.

— Нет-нет, что ты. Мне это совсем нетрудно, — стал отказываться Оливье.

Но они оба не раз играли в эту игру и знали, что он возьмет маленький подарок.

— Мегси¹, — сказал Оливье, остановившись в дверях.

В лесу поднялась неистовая суматоха — это обреченный зверек попытался сбежать от своей судьбы, а койоты погнались за ним.

— Будь осторожен, — сказал старик, обведя быстрым взглядом ночное небо.

Прежде чем закрыть дверь, он прошептал одно-единственное слово, мгновенно поглощенное лесом. Оливье представил себе, как Отшельник крестится и шепчет молитвы, прислонившись к двери, прочной, но все же, наверное, недостаточно крепкой.

Он не мог понять, верит ли старик в эти истории о великой и страшной армии, возглавляемой Хаосом, который ведет за собой фурий. Армии неумолимой, всеокрушающей. Подступившей совсем близко.

А позади армии — что-то еще. Что-то такое, что и выразить нельзя.

И еще Оливье не мог понять, верит ли Отшельник в молитвы.

Он включил фонарик, пошарил в темноте лучом света. Вокруг стояли серые стволы деревьев. Оливье осветил фонари-

¹ Спасибо (*фр.*).

ком туда-сюда в поисках узкой тропинки, бегущей через осенний лес. Найдя дорогу, он пошел быстрым шагом. И чем быстрее он шел, тем страшнее ему становилось, а чем страшнее ему становилось, тем быстрее он бежал, пока не начал спотыкаться, преследуемый темными словами среди темных деревьев.

Наконец деревья остались позади, и он, обессиленный, остановился и упер руки в согнутые колени, глотая ртом воздух. Потом медленно выпрямился и посмотрел на деревеньку, уютившуюся в долине.

Три Сосны спали — казалось, они спали всегда. Не знали, что происходит вокруг. А может быть, и чувствовали, но все равно предпочитали покой. В нескольких окнах светился огонек. В застенчивых старых домах были задернуты занавески. До Оливье донесся сладковатый запах первых осенних костров.

А в самом центре маленькой квебекской деревеньки стояли, как часовые, три громадные сосны.

Оливье был в безопасности. И тогда он ощупал карман.

Подарок. Крохотная плата. Он забыл ее взять.

Выругавшись, Оливье обернулся через плечо и взглянул на лес, сомкнувшийся за его спиной. И снова подумал о маленьком полотняном мешочке в углу хижины. О той штуке, которой дразнил его Отшельник. Которую обещал ему, которой водил перед его носом. О той вещи, которую спрятал прячущийся человек.

Оливье устал, был недоволен и зол на себя за то, что забыл подарок. И был зол на Отшельника за то, что тот не отдает ему той, другой вещи. Вещи, которую он давно заработал.

Он помедлил, потом повернулся и снова пошел в лес, чувствуя, как растет страх, подкармливая его злость. Постепенно он перешел на бег, сопровождаемый голосом, который звучал у него в ушах. Подгонял его.

«Хаос уже здесь, старичок».

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Возьми трубку.

Габри натянул на голову одеяло и замер. Однако телефон продолжал звонить, а Оливье, спящий рядом с ним, ничего не слышал. Габри видел, что за окном моросит дождичек, и чувствовал, как сырость воскресного утра проникает в спальню. Но под пуховым одеялом было уютно и тепло, и он не имел ни малейших намерений вылезать оттуда.

Он толкнул Оливье:

— Просыпайся.

В ответ — только храп.

— Пожар!

По-прежнему никакой реакции.

— У нас Этель Мерман!¹

Ничего. Господи боже, уж не умер ли он?

Габри наклонился над своим партнером, увидел чудесные реденеющие волосы, разметавшиеся по подушке и по лицу. Спокойные глаза закрыты. Габри ощутил запах пота Оливье с мускусным привкусом. Скоро у них появится душ, и тогда они будут пахнуть мылом от «Проктер энд Гэмбл».

Телефон зазвонил снова.

— Это твоя мать, — прошептал Габри в ухо Оливье.

— Что?

— Звонит твоя мать — ответь.

¹ *Мерман Этель* — американская актриса и певица, одна из самых знаменитых бродвейских актрис XX века.

Оливье сел, с трудом открыл глаза — в них стоял туман, будто он только что вышел из длинного туннеля.

— Моя мать? Но она давным-давно умерла.

— Если кто и мог бы восстать из мертвых, чтобы тебя оттрахать, то лишь она одна.

— Пока меня трахаешь ты.

— По твоему желанию. Возьми трубку.

Оливье протянул руку через гору, которая была его партнером, и взял трубку.

— Oui, allô?¹

Габри снова зарылся в теплую кровать, скользнув взглядом по светящемуся циферблату часов: шесть сорок три. Воскресного утра. Длинного уик-энда Дня труда.

Кто, черт побери, может звонить в такой час?

Габри сел и посмотрел на лицо своего партнера, изучая его, как пассажир изучает лицо стюардессы при взлете. Не обеспокоено ли оно? Не испугано ли?

Он увидел, как меняется выражение лица Оливье: сначала немного озабоченное, потом недоуменное, а еще через мгновение светлые брови Оливье опустились, кровь отхлынула от его лица.

«Господи боже, — подумал Габри. — Мы пропали».

— Что там? — одними губами произнес он.

Оливье молча слушал. Но его красивое лицо красноречиво говорило за него. Произошло что-то ужасное.

— Что случилось? — прошипел Габри.

Они неслись по деревенскому лугу, даже не запахнув плащи. Мирна Ландерс, сражавшаяся со своим громадным зонтиком, шла им навстречу, и все вместе они поспешили в бистро. С наступлением рассвета стало ясно, что мир серый и промозглый. За те несколько шагов, что они сделали, торопясь в бистро, волосы прилипли к их головам, плащи промокли. Но

¹ Да, алло? (*фр.*)

на сей раз и Оливье, и Габри было все равно. Они резко остановились рядом с Мирной перед кирпичным зданием.

— Я позвонила в полицию. Они вот-вот должны быть здесь, — сказала Мирна.

— Ты уверена? — Оливье уставился на свою подружку и соседку.

Она была крупная и округлая, а теперь еще и промокшая, несмотря на красный зонт, зеленоватый плащ и резиновые сапоги. Вид у нее был как у взорвавшегося пляжного мяча. Но при этом она никогда не выглядела серьезнее. И конечно, была уверена.

— Я вошла внутрь и проверила.

— О боже, — прошептал Габри. — Кто это?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — спросил Оливье.

Он прильнул к двустворчатому окну быстро, приставив тонкую руку козырьком ко лбу, чтобы загородиться от слабого утреннего света. Мирна держала над ним свой яркий красный зонт.

От дыхания Оливье стекло запотело, но прежде он увидел то, что видела Мирна. Внутри кто-то был. Лежал на старом сосновом полу. Лицом вверх.

— Что это? — спросил Габри, вытягивая шею, чтобы увидеть, что там, за его партнером.

Но лицо Оливье сказало ему все, что нужно было знать. Габри повернулся к крупной чернокожей женщине:

— Он мертв?

— Хуже.

«Что может быть хуже смерти?» — удивился он.

Настоящего доктора в деревне не было — только Мирна, которая прежде работала психотерапевтом в Монреале, пока множество печальных историй и избыток здравого смысла не заставили ее бросить это дело. Она затолкала вещи в машину, собираясь поехать месяц-другой, прежде чем осесть где-нибудь. Где угодно — лишь бы ей понравилось.

Она отъехала на час от Монреаля, остановилась в Трех Соснах, чтобы выпить кофе с молоком и съесть круассан в бистро, принадлежащем Оливье, да так и осталась тут навсегда. Она вытащила вещи из машины, арендовала соседнее помещение и квартиру над ним и открыла магазин старой книги.

Люди заходили к ней купить книгу и поболтать. Они приносили ей свои истории — кто в переплете, кто заученные наизусть. Некоторые из этих историй она принимала как настоящие, другие — как выдуманные. Но она чтילה их все, хотя покупала далеко не каждую.

— Мы должны войти, — сказал Оливье. — Чтобы никто не мог тронуть тело. Ты готов?

Габри стоял с закрытыми глазами, но теперь он снова открыл их и собрался.

— Я готов. Просто меня ошарашило. Судя по всему, это кто-то чужой.

И Мирна увидела на его лице то же облегчение, какое испытала она, войдя внутрь в первый раз. Грустная реальность состояла в том, что мертвый чужак гораздо лучше мертвого друга.

Один за другим они вошли в бистро, держась друг возле друга, словно мертвец мог протянуть руку и схватить одного из них. Медленно приблизившись к трупу, они посмотрели вниз; вода капала с их голов и носов на его поношенные одежды, собиралась лужицами на дощатом полу. Потом Мирна осторожно отодвинула их от края.

Именно так — на краю — и чувствовали себя оба мужчины. Утром праздничного уик-энда они пробудились в своей удобной кровати, в своем удобном доме, в своей удобной жизни и неожиданно обнаружили, что стоят на краю пропасти.

Все трое отвернулись, потеряв дар речи. И уставились друг на друга широко раскрытыми глазами.

В бистро лежал мертвец.

И не просто мертвец — хуже.

В ожидании полиции Габри приготовил кофе, а Мирна сняла плащ и села у окна, за которым рождался пасмурный сентябрьский день. Оливье растопил два камина по концам освещен-

щенного зала. Он принялся энергично шуровать кочергой в одном из каминов и вскоре почувствовал тепло огня на своей влажной одежде. Он весь словно занемел. И не только от холода.

Когда они стояли над мертвым телом, Габри пробормотал:
— Бедняга.

Мирна и Оливье кивнули, соглашаясь. Перед ними лежало тело пожилого человека в поношенной одежде, уставившего на них мертвый взгляд. У него было бледное лицо, удивленные глаза, приоткрытый рот.

Мирна показала на его затылок. Лужица дождевой воды приобретала красный цвет. Габри пригнулся, чтобы увидеть получше, а Оливье не шелохнулся. Его поразили и ошарашили не проломленный затылок мертвеца, а другая сторона его головы. Лицо.

— Mon Dieu, Оливье, его убили. Боже мой.

Оливье продолжал смотреть в глаза покойника.

— Но кто он такой? — прошептал Габри.

Это был Отшельник. Мертвый. Убитый. В бистро.

— Не знаю, — сказал Оливье.

Вызов поступил к старшему инспектору Арману Гамашу, когда они с Рейн-Мари заканчивали мыть посуду после воскресного позднего завтрака. Из столовой их квартиры, расположенной в монреальском квартале Утремон, Гамаш слышал голоса своего заместителя Жана Ги Бовуара и своей дочери Анни. Они не разговаривали. Они никогда не разговаривали. Они спорили. В особенности если между ними не было такого амортизатора, как Энид, жена Жана Ги. Энид нужно было составить план школьных занятий, и она извинилась и на завтрак не пришла. А Жан Ги никогда не отвергал предложений бесплатно поесть. Даже если за это приходилось платить. А ценой всегда была Анни.

Началось все за свежесжатым апельсиновым соком, продолжалось за яичницей и сыром, а после тянулось за свежими фруктами, круассанами и конфитюрами.

— Но как ты можешь оправдывать использование электрошокеров? — раздался из столовой голос Анни.

— Еще один превосходный завтрак, мегсі, Рейн-Мари, — сказал Дэвид, который принес тарелки из столовой, поставил их перед раковиной и поцеловал тещу в щеку.

Тридцатилетний Дэвид, мужчина среднего сложения с короткими редеющими темными волосами, был на несколько лет старше своей жены Анни, хотя нередко казался младше. Главной его чертой, как это часто ощущал Гамаш, была активность. Нет, не гиперактивность, а просто избыток жизненных сил. Он понравился старшему инспектору с самой первой минуты, когда его дочь пять лет назад познакомила их. В отличие от других молодых людей, которых Анни приводила в дом (в основном юристов, как и она сама), этот не пытался превзойти старшего инспектора в брутальности. Такие игры Гамаша не интересовали. И не впечатляли. Что произвело на него впечатление, так это реакция Дэвида, когда тот впервые увидел Армана и Рейн-Мари Гамаш. Он широко улыбнулся — эта улыбка заполнила всю комнату — и просто сказал: «Bonjour»¹.

Он не походил ни на одного из прежних ухажеров Анни. Дэвид не занимался наукой, природа не наделила его атлетическим сложением, он не был поразительно красив. Ему не суждено было стать следующим премьером Квебека или даже хозяином собственной юридической фирмы.

Нет, Дэвид был просто открытым и добрым парнем.

Анни вышла за него замуж, и Арман Гамаш с радостью повел ее к алтарю, а Рейн-Мари шла с другой стороны их единственной дочери. С радостью наблюдали они обряд венчания этого хорошего парня с Анни.

Арман Гамаш прекрасно знал противоположность хорошему. Он знал, что такое жестокость, отчаяние, ужас. И он знал, какое это забытое и драгоценное качество — «хороший».

¹ Добрый день (*фр.*).

— Ты предпочитаешь, чтобы мы пристреливали подозреваемых? — Голос Бовуара в столовой зазвучал громче, приобрел другой оттенок.

— Спасибо, Дэвид, — сказала Рейн-Мари, забирая посуду.

Гамаш протянул зятю свежее полотенце, и они принялись вытирать тарелки, которые мыла Рейн-Мари. Дэвид повернулся к старшему инспектору:

— Как вы считаете, у «Абов»¹ есть шансы выиграть кубок в этом году?

— Нет! — вскричала Анни. — Я надеюсь, что в полиции научатся арестовывать людей, не калеча и не убивая их. Я надеюсь, что в полиции научатся смотреть на подозреваемого как на подозреваемого, а не как на животное, которое можно побить, оглушить электрошокером, застрелить.

— Я думаю, шансы у них есть, — сказал Гамаш, взял две тарелки и одну передал Дэвиду. — Мне нравится их новый вратарь, а нападающие теперь вполне зрелые ребята. Этот год определенно их.

— Но их слабое место по-прежнему защита, верно? — спросила Рейн-Мари. — «Канадиенс» всегда отдают приоритет нападению.

— Попытайся-ка арестовать вооруженного преступника! Хотел бы я посмотреть, что у тебя получится! Ты, ты... — От возмущения Бовуару не хватало слов.

Разговор в кухне прекратился — все ждали, что скажет Бовуар. Этот спор происходил на каждом завтраке, на каждом Рождестве, Дне благодарения, на днях рождения. Лишь слова слегка менялись. Анни и Бовуар спорили всегда, если не о тазерах², то о медицинской помощи, об образовании, об экологии. Если Анни говорила «синее», то Бовуар — «оранжевое». Так повелось с тех самых пор, когда инспектор Бовуар двенадцать лет назад поступил работать под начало Гамаша в отдел

¹ Хоккейный клуб «Монреаль канадиенс» в среде болельщиков-французов называется «Habs», от французского «les habitants», как называли поселенцев французского происхождения.

² *Тазер* — специальное оружие типа электрошокера, используемое полицией.

по расследованию убийств Квебекской полиции. Он стал членом команды и членом семьи.

— И что я?

— Ты — жалкий образчик правозащитной чуши!

Рейн-Мари махнула рукой в сторону двери, ведущей из кухни на маленький металлический балкон и пожарную лестницу:

— Не пора ли?

— Спасаться бегством? — прошептал Гамаш, надеясь, что она это серьезно, но подозревая, что нет.

— Может, вам попытаться их пристрелить, Арман? — спросил Дэвид.

— Боюсь, у Жана Ги реакция побыстрее моей будет, — отказался старший инспектор. — Он пристрелит меня первый.

— И все же попытаться стоит, — заметила его жена.

— Жалкий образчик правозащитной чуши? — переспросила Анни голосом, исполненным отвращения. — Отлично. Фашистский дебил!

— Пожалуй, я мог бы воспользоваться тазером, — сказал Гамаш.

— Фашистский? Фашистский? — Голос Жана Ги срывался на писк.

В кухне немецкая овчарка Гамаша по кличке Анри проснулась, села и наклонила голову. У Анри были огромные глаза, и Гамашу нравилось думать, что у него не чистокровный пес, а помесь овчарки и спутниковой тарелки.

— Ох-ох, — сказал Дэвид.

Анри свернулся калачиком на своей подстилке, и, судя по виду Дэвида, он сделал бы то же самое, если бы мог. Все трое задумчиво уставились через окно на улицу, где хмурилось сентябрьское утро. В Монреале в этот уик-энд отмечали День труда. Анни произнесла что-то неразборчивое. Но ответ Бовуара был абсолютно ясен:

— Иди в задницу!

— Ну, пожалуй, на сегодня диспут закончен, — сказала Рейн-Мари. — Еще кофе? — Она показала на кофемашину.

— Non, pas pour moi, merci¹, — с улыбкой ответил Дэвид. — И Анни тоже больше не наливать.

— Глупая женщина, — пробормотал Жан Ги, входя в кухню. Он схватил полотенце с крючка и принялся яростно вытирать тарелку (Гамаш даже подумал, что цветочного рисунка на ней они больше никогда не увидят). — Признайтесь, вы ее удочерили.

— Нет, изготовили в домашних условиях. — Следующую тарелку Рейн-Мари протянула мужу.

Темная голова Анни на секунду появилась в кухне:

— Сам иди в задницу! — и исчезла.

— Господи помилуй! — сказала Рейн-Мари.

Из двоих детей Гамашей на отца больше походил Даниель. Крупный, задумчивый, усердный. Он был добрым, нежным и сильным. Когда родилась Анни, Рейн-Мари вполне естественно надеялась, что этот ребенок будет похож на нее — добрую, умную, яркую. Одержимая любовью к книгам, Рейн-Мари Гамаш работала библиотекарем в Национальной библиотеке Монреала.

Но Анни удивила их обоих. Она была сообразительной, склонной к соперничеству, веселой. Если она делала что-то, то отдавалась этому всей душой.

Они должны были предвидеть это. Когда она была еще совсем младенцем, Гамаш брал ее в свои бесконечные поездки на автомобиле и пытался успокаивать плачущую малышку, напевая своим низким баритоном песни «Битлз», Жака Бреля. «La Complainte du phoque en Alaska»² группы «Beau Domage»³. Это была берущая за душу баллада, и Даниель любил ее больше всего. Но на Анни она не действовала.

Однажды, когда Гамаш засунул орущее дитя в машину, пристегнул и включил зажигание, в кассетнике у него заиграла стоявшая там старая пленка «Weavers»⁴.

¹ Что касается меня, то я — пас, спасибо (фр.).

² «Плач аляскинского тюленя» (фр.).

³ Канадский рок-ансамбль из Монреала, пик популярности в Квебеке и Франции приходится на 1970-е годы.

⁴ Американская группа фолк-музыки из Нью-Йорка.

Они запели фальцетом, и девочка успокоилась.

Поначалу это казалось каким-то чудом. Но после сотого круга по кварталу, когда девочка смеялась под пение «Weavers», голосивших «Уимове, Уимове»¹, Гамаш затосковал о прежних деньках и сам готов был завопить. Однако пение продолжалось, и маленькая львица уснула.

Анни Гамаш стала их львенком. А выросла львицей. Но иногда во время тихих совместных прогулок она рассказывала отцу о страхах, разочарованиях и ежедневных печалях своей молодой жизни. И старшего инспектора Гамаша охватывало желание обнять дочку, прижать ее к себе, чтобы хоть в эту минуту ей не нужно было изображать отвагу.

Из-за своих страхов она и была такой непримиримой. А боялась она всего.

Весь остальной мир видел сильную, благородную львицу, а старший инспектор, глядя на свою дочь, видел Берта Лара², хотя никогда не говорил ей об этом. Ни ей, ни ее мужу.

— Мы можем поговорить? — спросила Анни у отца, не обращая внимания на Бовуара.

Гамаш кивнул и передал полотенце Дэвиду. Они прошли по коридору в гостиную, где книги ровными рядами стояли на полках и не столь ровными стопками — под столами и рядом с диваном. На кофейном столике лежали газеты «Ле деувар» и «Нью-Йорк таймс», в камине неторопливо горел огонек мягким, жидким пламенем ранней осени. Время ревущего пламени морозной зимы еще не наступило.

Несколько минут они разговаривали о Даниеле, живущем в Париже с женой и дочерью. И еще одной дочерью, чье появление ожидалось до конца месяца. Они поговорили о муже Анни, Дэвиде, и о его хоккейной команде, которой предстоял новый зимний сезон.

¹ «Сегодня ночью лев спит», песенка, известная также как «Уимба уей», или «Уимове, уимове», написана южноафриканским певцом зулусского происхождения в 1920-е годы. Названия «Уимба Уей», «Уимове, Уимове» являются искаженным зулусским словом «мбубе» — «лев».

² Лар Берт — американский комик, известен более всего как исполнитель роли Трусливого Льва в фильме «Волшебник страны Оз».

Гамаш в основном слушал. Он не знал, хочет ли Анни сказать ему что-то конкретное или просто поболтать. В комнату притрусил Анри и положил голову на колени Анни. К восторгу пса, она потрепала его за уши, после чего он удалился к камину и улегся перед огнем.

В этот момент зазвонил телефон. Гамаш проигнорировал его.

— Это, кажется, тот, что в твоем кабинете, — сказала Анни.

Она видела этот телефон, стоящий на старом деревянном столе рядом с компьютером и ноутбуком в заполненной книгами комнате с тремя стульями, где пахло сандаловым деревом и розовой водой.

Когда-то они с Даниелем садились на вращающиеся стулья и крутили друг друга чуть ли не до тошноты. А их отец неподвижно сидел в это время в своем кресле и читал. А иногда просто смотрел.

— Я тоже так думаю.

Телефон зазвонил снова. Они хорошо знали этот звук. Он чем-то отличался от звона других телефонов. Его звук извещал о смерти.

У Анни был смущенный вид.

— Ничего, подождет, — спокойно произнес Гамаш. — Ты ведь хотела что-то мне сказать?

В комнату заглянул Жан Ги:

— Ответить? — Он улыбнулся Анни, но тут же перевел взгляд на старшего инспектора.

— Будь добр. Я подойду через минуту.

Гамаш повернулся к дочери, но тут в гостиную вошел Дэвид, и Анни снова надела маску, которую носила на людях. Эта маска не слишком отличалась от той, что она носила дома. Разве что выражение уязвимости было менее заметно. И у ее отца промелькнула мысль: зачем ей понадобилась эта маска в присутствии мужа?

— Произошло убийство, сэр, — прошептал инспектор Боуар, остановившись в дверях.

— Oui, — сказал Гамаш, глядя на дочь.

— Иди, папа. — Она махнула рукой, не прогоняя его, а освобождая от необходимости выслушать ее.

— Придется идти. Ты не хочешь прогуляться?

— Там льет как из ведра, — со смешком сказал Дэвид.

Гамаш искренне любил своего зятя, но иногда тот мог бы проявлять больше чуткости. Анни тоже рассмеялась:

— Нет, папа, правда, в такую погоду даже Анри не стал бы гулять.

Анри вскочил и побежал за своим мячиком. Два произнесенных одно за другим знаковых слова «Анри» и «гулять» произвели ожидаемое действие: сработал непреодолимый собачий инстинкт.

— Ну что ж, — сказал Гамаш, когда немецкая овчарка прыжком вернулась в комнату. — Мне нужно на работу.

Он выразительно посмотрел на Анни и Дэвида, потом на собаку. Смысл его взгляда не ускользнул даже от Дэвида.

— О боже, — добродушно проговорил тот и, встав с мягкого дивана, отправился вместе с Анни на поиски поводка и ошейника Анри.

К тому времени как старший инспектор Гамаш и инспектор Бовуар прибыли в Три Сосны, местная полиция уже перекрыла доступ в бистро, и местные жители толклись рядом под зонтиками, глаза на старое кирпичное здание — место проведения стольких торжеств и вечеринок. Теперь оно стало местом преступления.

Когда Бовуар выехал на дорогу, ведущую под уклон в деревню, Гамаш попросил его остановиться.

— Что-то случилось? — спросил инспектор.

— Просто хочу посмотреть.

Сидя в теплой машине, двое мужчин под неторопливые взмахи дворников разглядывали деревню. Перед ними был деревенский луг с прудом и скамьей, клумбами роз и гортензий, поздноцветущих флоксов и алтея. А в конце луга, соединяя его и деревню, стояли три высокие сосны.

Гамаш обвел взглядом дома, приютившиеся в долине. Тут были траченные временем, обшитые вагонкой коттеджи с широкими крылечками и плетеными стульями. Тут были сложенные из плитняка домишки, построенные столетия назад первыми поселенцами, которые расчистили эту землю и извлекли из нее этот камень. Но большинство домов в долине были из розового кирпича, их построили лоялисты¹, бежавшие сюда после Американской революции. Три Сосны располагались всего в нескольких километрах от границы с Вермонтом, и если теперь отношения со Штатами стали дружественными и близкими, то в давние времена их трудно было назвать таковыми. Люди, основавшие деревню, пребывали в отчаянии и искали убежища, прячась от войны, цели которой были так от них далеки.

Старший инспектор скользнул взглядом по рюю Дю-Мулен и там, на склоне холма на краю деревни, увидел маленькую белую англиканскую церковь Святого Томаса.

Гамаш снова перевел взгляд на небольшую толпу, стоящую под зонтиками, — люди разговаривали, показывали пальцами, смотрели. Бистро Оливье находилось ровно в середине полукружья магазинов, каждый из которых соседствовал со следующим. Гастроном, принадлежащий месье Беливо, пекарня Сары, бистро Оливье и, наконец, магазин новой и старой книги Мирны.

— Поехали, — сказал Гамаш.

Бовуар ждал этого слова, и машина медленно тронулась с места. К сбившимся в кучку подозреваемым, к убийце.

Но один из первых уроков, усвоенных Бовуаром от старшего инспектора, когда он поступил в отдел по расследованию убийств Квебекской полиции, состоял в том, что для поимки убийцы не следует идти вперед: нужно двигаться назад, в прошлое. Именно там начиналось преступление, там родил-

¹ *Лоялисты* — сторонники единой империи, жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

ся убийца. Какое-то событие, возможно давно забытое всеми остальными, укоренилось в памяти убийцы и с тех пор не давало ему покоя.

То, что убивает, невидимо, предупреждал Бовуара старший инспектор. Поэтому-то оно так опасно. Это не пистолет, не нож и не кулак. Его наступления нельзя увидеть. Это эмоция. Отвратительная, тошнотворная. Она только и ждет минуты, когда можно будет нанести удар.

Машина медленно подъехала к бистро, к телу.

— Merci, — сказал Гамаш спустя минуту, когда местный полицейский открыл ему дверь бистро.

Молодой человек хотел было остановить чужака, но что-то ему помешало.

Бовуару нравилась неизменная реакция местных копов, которых неожиданно осеняло, что этот крупный человек пятидесяти с небольшим лет не просто любопытствующий обыватель. Молодым полицейским Гамаш напоминал их отцов. В нем была какая-то вежливость. Он всегда носил костюм или пиджак с галстуком и серые фланелевые брюки, как сегодня.

Бросались в глаза его усы, аккуратно подстриженные и сединой. В его темных, чуть вьющихся около ушей волосах тоже начала появляться седина. В такие дождливые дни, как сегодня, старший инспектор надевал шляпу, которую снимал, входя в дом, и тогда молодые полицейские видели его лысеющий затылок. А если этого было недостаточно, они заглядывали в глаза Гамаша. Все это делали. Глаза были темно-карие, задумчивые, умные. И в них присутствовало еще какое-то качество, отличавшее знаменитого главу отдела по расследованию убийств Квебекской полиции от других старших офицеров.

Глаза у него были добрые.

Бовуар знал, что в этом состоит его сила и его слабость.

Гамаш улыбнулся удивленному полицейскому, оказавшемуся лицом к лицу с самым знаменитым копом Квебека. Он протянул руку, и молодой полицейский после нескольких мгновений растерянности пожал ее.